

Секция «История России с древнейших времен до XVIII века»

Идеология в отношениях России и Священной Римской империи конца XV – начала XVI в.

Бобылева Ирина Дмитриевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России до начала XIX века, Москва, Россия

E-mail: kursk.bobyleva@mail.ru

Время правления Ивана III (1462-1505) и Василия III (1505-1533) стало для России эпохой начала регулярных контактов с Западной Европой, в которых значительное место занимали связи со Священной Римской империей. Установление русско-имперских отношений в 1489 г. было вызвано потребностью в борьбе с общим врагом - польско-литовской династией Ягеллонов, а их динамика зависела от степени заинтересованности Габсбургов в союзе с русскими государями. Факты политической истории русско-имперских связей к настоящему моменту изучены достаточно хорошо, и потому перспективным представляется обращение к их идейной составляющей, которая хорошо прослеживается по текстам договоров и материалам посольских книг.

В самом начале русско-имперских связей в Москве были сформулированы важные идеи о статусе великого князя. В ответ на предложение от имени императора Фридриха III королевской короны Иван III заявляет о божественном и наследственном характере своей власти: «...мы Божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители... а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим» [1, с. 12]. Отголоски этих представлений обнаруживаются в источниках времени Василия III, который вскоре после восшествия на престол передавал императору Максимилиану: «ино Божья воля състалася, отца нашего... в животе не стало; а на коих государствех был отец наш государем, и Божиею волею и отца нашего благословением и жалованьем, ныне на тех государствех мы государем» [1, с. 147, 149]. Можно лишь согласиться с мнением исследователей, что в разработанной русской дипломатией концепции утверждался «политический суверенитет Русского государства, его равноправное положение в системе европейских государств того времени» [3, с. 118].

Отношения между русскими государями и Габсбургами неизменно описывались в категориях взаимной доброжелательности, однако выбор конкретных выражений зависел от степени их близости. Первым русским посланникам в Империи поручалось передать стремление Ивана III «*быти в любви и приятельстве*» с императором и его сыном [1, с. 15-17], тогда как после заключением союзного договора (1491) правители должны были уже находиться «*в братстве и в любви и в единачестве*» и «*быти заодно на своих недругов*» [1, с. 32]. Исследователями отмечено, что в русской дипломатической практике термином «приятельство» обозначались всего лишь добрососедство с правителями любого статуса, в то время как «братство» выражало равноправный характер отношений [5, с. 15]. Такая же эволюция характерна для периода правления Василия III, когда император и великий князь сначала писали о существующей между ними «*сердечной дружбе*» [1, с. 155, 157], а в окончательной грамоте (1514) договаривались быть «*в братстве и в единачестве и в дружбе*», иметь общих «друзей» и «недругов» [4, с. 62].

В то же время цель союза между Габсбургами и русскими правителями при Иване III и Василии III представлялась по-разному. В договоре 1491 г. проводится параллель между «отечествами» (т. е. наследственными владениями) Максимилиана (тогда римского короля) и великого князя, получить которые им мешало противодействие Ягеллонов: «А

почнешь, брате, ты доставати своего отчъства Угорского королевства себе... Также и мы... как учнем доставати своего отчъства, великого княжества Киевского, что за собою дрѣжит Казимир, король Польский и его дети, нашего государства Руских земель...» [1, с. 37] В 1514 г., когда венгерская проблема перестала быть актуальной для Габсбургов, подчёркивалась лишь взаимность обид, нанесённых союзникам их общим врагом: «А что наш и ваш недруг Жигимонт... великия неисправленья нам и вам учинил и наших государств город Киев и иные наши города руские держит за собою; также немецкаго чину и пруские города иные неправдою держит за собою» [4, с. 66].

Со временем Габсбурги, для которых необходимость противостоять османской экспансии стала более насущной, перешли к попыткам примирить Литву и Россию. Одним из аргументов, которые использовали имперские дипломаты, было указание на «любовь» и «братство» между императором и великим князем, ради которых следовало пойти на уступки Литве: «тогда цесарь, хотя и есть тебе дружбнейший, и он еще того более будет дружбнее» [1, с. 281]. В других случаях на первое место выносилась угроза со стороны Османской империи, и русскому правителю предлагалось «утвердити вечной мир с полским королем» ради «нужи общаго дела хрестыанского, кое в такой злейшей беде лежит» [1, с. 371-373].

На словах русская сторона соглашалась с необходимостью прекратить «кровопролитье хрестыанское», однако всю вину за невозможность этого достигнуть возлагала на польского и литовского правителя Сигизмунда [1, с. 204, 378]. Готовность Василия III к переговорам и установлению мира представлялась как своего рода одолжение Габсбургам: «мы для брата нашего Максимилиана... с Жигимонтом королем миру хотим» [1, с. 458]; «мы ныне... брата для своего, светлейшего Карола... миру вечного и добрые смолвы хотим» [2, с. 720]. Действительно, деятельность габсбургских послов способствовала заключению русско-литовского перемирия 1526 г., однако возобновление русско-имперского союза на антиосманской основе так и не состоялось - вероятно, из-за слабой заинтересованности Москвы.

Таким образом, в идейной составляющей контактов России и Империи при Иване III и Василии III можно заметить как сходства, так и отличия. Общим является утверждение обоими великими князьями своей власти как божественной и наследственной, не зависящей от других правителей, а также их заинтересованность в дружественных и союзнических отношениях с Габсбургами. Мотивировка союза, однако, со временем претерпевает трансформацию, а потом и вовсе уступает место антиосманской риторике. Здесь дипломатический язык в преломленном виде отражает перемены в реальном положении дел, хотя и не оказывает влияния на практические действия сторон, которые в первую очередь стремились соблюсти собственные интересы.

Источники и литература

- 1) Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851.
- 2) Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.
- 3) Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
- 4) Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 5. М., 1594.
- 5) Юзефович Л. А. Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал: конец XV – первая половина XVII в. СПб., 2007.